

ДУХОВНОЕ МУЖЕСТВО

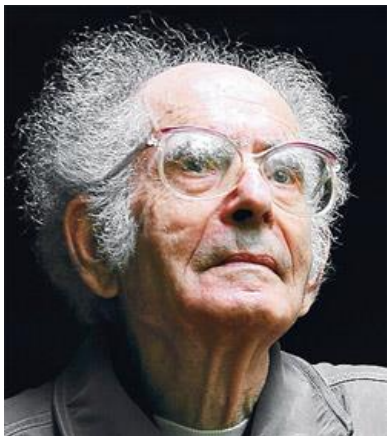

Г. С. Померанц и З. А. Миркина

ДУХОВНОЕ
МУЖЕСТВО

ДУХОВНОЕ МУЖЕСТВО

(часть 1)

Григорий Соломонович Померанц

То, чем мы занимаемся, может показаться очень далеким от событий, которые потрясают страну и весь мир. Но на самом деле, все это глубоко связано, потому что сейчас вся цивилизация столкнулась с необходимостью глубокого духовного поворота. Если мы не найдем в глубине самих себя того уровня, в котором тонут обиды и желание отомстить, то жизнь на Земле, во всяком случае человеческая жизнь, прекратится. Потому что, конечно, ненависть и месть не сегодня родились, но сегодня в распоряжении этих сил находятся слишком большие технические возможности. Поэтому я думаю, что каждому надо заниматься тем, чем он может, не теряя духа от того, что усилия наши кажутся капелькой, которая все равно утонет в океане. Нет, все равно что-то из этих капелек сольется и сложится.

Тема сегодняшняя «Духовное мужество». В связи с этим придется говорить и о мужестве в целом. Но акцент основной делается на духовном мужестве, на способности проникнуть в тот глубинный слой, на котором исчезают источники ненависти.

Духовное мужество

Мужество имеет много оттенков. Чаще всего говорят о мужестве воина, хотя достоинства воина иногда описываются иначе: отвага, храбрость, лихость и можно вспомнить, что мужество входило в трицу кардинальных добродетелей античности: мужество, мудрость, справедливость.

В этом соседстве добродетелей, на мужество легла печать соседей – мудрости и справедливости. На отваге, храбрости и, в особенности, лихости, этой печати нет. Отвага бывает и безрассудная, мужество ассоциируется легко со смирением, с уважением к другому. Лихость – с оттенком пренебрежения. Более четко очерчено гражданское мужество. Здесь резче выявлено то, что есть и в военном мужестве: одному идти против всех, верность совести вопреки всему. Гражданское мужество не массовое, оно не действует по принципу «на миру и смерть красна», сравнимо с мужеством солдата в обороне, когда кажется, что противник сильнее, все потеряно, все бегут, как мне ни раз приходилось видеть. Но многие храбрые воины писали, когда обстановка требует гражданского мужества идти против того мира, на котором и смерть красна, против одураченного народа.

А что такое духовное мужество? Этот термин я, по-моему, сам придумал, хотя, вероятно, он был известен и раньше. Я не отстаивал приоритет. Просто мне это впервые пришло в голову, когда я обдумывал, с чего я начал свое развитие. Я несколько раз говорил и писал об ужасе, вызванной во мне тангенсоидой, уходящей в бесконечность. Мне было тогда 16 лет. Я попробовал сосредоточиться на своем месте в бесконечности и почувствовал, что могу свихнуться, что я тону в ужасе. И я остановился. Я решил подождать, пока дух мой окрепнет. Это обнажает связь мужества с сознанием силы, с уверенностью в своей способности

Духовное мужество

помужествовать, как в одной песне говорилось. Я избегал драк, потому что знал свою физическую слабость, зато был смел в слове, хотя это было опасней и грозило кое-чем худшим, чем разбитый нос и выбитые зубы. И вызывали меня не в милицию, а в другие учреждения.

Отталкивала сила. Мандельштам был просто трусом в жизни, но героем в стихах. На него действовало соображение: «Если не я, то кто?» И это соображение заставляло его действовать. Иногда и в жизни. Но в войну чувство силы форсировалось опьянением, буквальным и идеологическим. Один старый человек, участник гражданской войны, рассказывал мне, как ораторская подготовка заменяла артиллерийскую подготовку. Захваченному хорошими ораторами море было по колено. Но бой и сам по себе опьяняет. Это необходимо как полет над страхом и это опасно. Мой опыт говорит, что переход от мужества к лихой опрометчивости очень короток. Мне приходилось об этом писать, и не буду приводить примеры. Так же как опьянение в бою противовес трусости, так же нужен противовес к лихости – трезвость, в том числе и к упоению духовным мужеством.

Мне приходилось говорить с Еленой Львовной Майданович, в связи с делами о копирайте на сочинения Антония Сурожского. Мы на этом деле познакомились. Однажды она мне рассказала, что Владыка Антоний ей сказал, что трезвость важнее вдохновения. Я ответил ей, что это он говорит потому, что вдохновение у него всегда есть, от тупости у него ничего не осталось, он всегда находится на духовном подъеме, а с нами дело сложнее. У него только одна проблема – не соскользнуть с духовного мужества к духовному безрассудству. Не пуститься без руля и без ветрил во вспышку энтузиазма, как со многими случается. А для нас дело обстоит сложнее. Нам приходится сперва искать вдохновения, а потом

Духовное мужество

думать, чтобы не потерять голову от него. На языке, созданном Штайнером, это называется двумя недостатками: ариманизм и люциферизм. Ариманизм – это неверие в свои силы, инерция душевной тупости, а люциферизм – это противоположное, его можно назвать как метафизический авантюризм.

Отсутствие духовного вдохновения, как и отсутствие боевого вдохновения, можно форсировать. Простейший способ, применявшийся в древности – напитки из мухоморов и тому подобных галлюциногенов. Выпившему сомы море по колено, небо по колено. Есть один из гимнов Веды, в котором описывается состояние человека, напившегося сомы. Он очень убедительно показывает состояние древнего наркомана. Но употребление вне обряда, как ежедневное удовольствие, если и было в древности, то вело к гибели племени, в котором было это, потому что оно разрушало людей. Поэтому в тех племенах, в которых эти вещи дошли до нас, это всегда редкий обрядовый акт, и вписывается в обряды. И сегодня злоупотребление этим может привести к гибели всей цивилизации. Именно поэтому Будда запретил форсирование физическим опьянением духовного подъема. И когда я рассказывал вам, как американец Уоттс пытался сказать Судзуки, старейшему [учителю] в Дзэн, что можно сделать первый шаг с помощью таблеток, Судзуки ответил ему старинным диалогом: «Учитель, укажи мне путь, - имелось в виду, к просветлению. Учитель отвечает: «А ты уже позавтракал?». «Да». «Так пойд и вымой свою миску». То есть, глубина и связанный с этим духовный подъем должен быть связан со всем контекстом жизни, он не должен вырывать человека из обыденной жизни, а только подсвечивать ее. И Судзуки определял Дзэн, как ваш обычный повседневный опыт, но на два вершка над землей.

Итак, мужество, в том числе, духовное, связано с мудростью

и трезвой оценкой своих сил. Когда Тютчев, Толстой и Достоевский заново расшевелили во мне ужас бесконечности, мне было уже 20, я чувствовал себя сильнее и решил помужествовать с этим мужеством. И я рассказывал вам, что я три месяца упорно вглядывался в него. И через три месяца замелькал свет в бездне, и родились некоторые интересные идеи, как-то связанные с этим чувством полета над духовным страхом. Потом оказалось, что эти идеи были не новые. Но не в них дело.

Моим действительным открытием было другое, чего я тогда не понял. Я начал понимать на войне, когда искал доводы, чтобы победить страх. Я вам рассказывал, что реальной опасности в этой ситуации не было, бомбежка шла километрах в трех, но страх вдавливал меня в землю. Зрелище бомбежки вызвало у меня то, что я потом определил как психическую травму, ранение, контузию, пережитые мною разом. И я искал доводы как бы преодолеть этот страх, а потом подумал: «Я же не испугался бездны пространства и времени, что же я самолетов испугался?!». И, вдруг, страх исчез. Но это же не довод подействовал на меня! Нельзя страх победить доводами, можно доказать, что нет опасности - но ее не было с самого начала, а страх был. Это я не сразу понял, а только впоследствии. Есть уровень поверхностной жизни, когда бесконечность – математический символ, не затрагивающий сердца, есть поглубже уровень метафизического страха, о нем в 20 веке много писали экзистенциалисты. И есть уровень глубины, где исчезает страх, уровень причастия бесконечности, внутренней творческой бесконечности. Освободило меня от страха не доказательство – страх нельзя победить доказательством, но если приоткрывается внутренняя глубина, страх исчезает. Значит, помогало мне припоминание того, что при попытках моих сосредоточиться на бесконечности приоткрылась какая-то внутренняя глубина.

С этих пор опасность на войне меня только воодушевляла и мне приходилось сдерживать себя. И в духовной области, дойдя до глубины, где исчезает страх, надо сдерживать себя, чтобы духовный огонь горел в очаге и не сжигал стены. Владыка Антоний, говоря о ценности трезвости, это не придумал. Есть старая традиция и есть даже такой специальный термин «трезвение», но они забыты, потому что и вдохновение забылось. И появились секты, ищущие вдохновения в плясках, наподобие примитивных племен, или других приемах, забывая о трезвости, удерживающей огонь вдохновения в очаге. Есть притча о боевом петухе... Высшая степень подготовки петуха к бою – это глубокое спокойствие. Так и с духовным вдохновением – оно спокойно и мудро, оно не выдергивает человека по ту сторону добра и зла, не бросает в люциферизм. Достоевский понимал опасность люциферизма и описал ее в «Бесах», в Ставрогине и Кириллове.

В истории Дзэн тоже были подобные примеры. В Александрийский период древности был философ Велезий, очень напоминавший Ставрогина, который еще не пережил какие-то глубинные взлеты и который решил, что он стал по ту сторону добра и зла, а потом пришел к полной опустошенности и как Ставрогин, покончил с собой.

Есть и другой вид прелести, в том смысле, какое слово «прелесть» имеет в аскетике. В упоении своей силой, в поисках массового успеха. Таких шарлатанов очень много появилось в наше время, и среди людей, впавших в эту прелесть, есть очень одаренные. Их можно читать, когда они пишут книги, но ни в коем случае не принимать в учителя. Еще одна прелесть – полное пренебрежение интеллектом.

В прошлый раз я показывал, что Филоненко, автор статьи о Сурожской Епархии, из которой я узнал об идее Божьего следа у

Антония, неправильно сделал, сократив цитату из беседы Антония Блума в Париже. Антоний там говорит об ограниченности разума, а не о его бесполезности. Это очень важный момент. Когда логика заводит в тупик, когда надо отбросить ее и искать Божьего следа, который каким-то непостижимым путем продолжает нас вести к Истине, некоторого сверхрационального пути, но пути КАЖУЩЕГОСЯ безумным, а на самом деле подчиняющемся Высшему, Божескому разуму, основанному на интуиции Божьей любви. Это не юродское безумие, это не сумасшествие. Сократив цитату, Филоненко незаметно для себя чрезмерно упростил и исказил мысль. Я потом прочитаю вам эту цитату целиком еще раз. Антоний полностью признает ценность интеллекта до известной границы, где принцип или аксиома, из которой вы исходите, заводит в тупик.

Исторический опыт античности показал, что господство аксиоматического мышления, господство логики, основанной на принципах, всюду приводило к духовному и нравственному тупику, к разрушению чувства целого, к разрушению чувства священного, к потере смысла жизни, так как это происходит и, в широком смысле, в современной культуре, начиная со скучной истории Чеховского профессора, и до нынешнего дня. Учеником философа Сенеки был Нерон, который поджег Рим, а в это время Павел уже спасал людей безумием проповеди. Однако Павел вовсе не пренебрегал логикой в своих Посланиях и был замечательным мыслителем. И впадение в экстаз, когда люди бормотали что-то нечленораздельное, он мягко не одобрял. Если взять Послания Павла в целом, то он не плавает без руля и без ветрил, но когда разум ... становится безумием, он утверждает интуицию любви. В этом смысле троица «Вера, Надежда, Любовь» выше, чем троица «Мужество, Мудрость и Справедливость». Это не отрицание мужества, мудрости и справедливости, но понимание их ограниченности. Здесь не

Духовное мужество

прямолинейное отрицание, а понимание уровней иерархии духовной глубины.

Духовное мужество выводит нас из рабства готовых образцов, безразлично к традиции или логике, отбросившей традицию, не для того, чтобы поплыть без руля и без ветрил, а чтобы найти в собственной глубине чувство Божьего следа, узнавание Божьего следа, интуицию истины, не укладывающейся в правила. Это есть даже в такой земной области как право. Суд присяжных имеет право сказать «невиновен», несмотря на явные доказательства вины. Предполагается, что в какой-то момент приходится искать Божьего следа, не укладывающегося в правила. Эти поиски Божьего следа, эта сосредоточенность на том, что духовная, бесконечная любовь велит нам делать иногда в согласии с разумом, а иногда вопреки разумному вектору.

Богословы выстроили некоторые замечательные конструкции, которые хороши как примеры. Например, известные Халкидонские догмы, которые не приняты были монофизитами. Две природы, Божеская и человеческая, соединены во Христе неслиянно и нераздельно, то есть абсурдно, отрицая логику. То есть, нужно найти красную нить Божьего следа не только в примерах прошлого, но и сегодня, сейчас, в неподвижной обстановке. Нужно иметь мужество действовать вопреки заповедям, как неоднократно говорил митрополит Антоний, ссылаясь на примеры из собственной жизни – и я вам эти примеры приводил.

В истории человечества есть эпохи, требующие мужества поворота, отказа от установленных образцов, интуиции перемен. Так в глубокой древности возникло аксиоматическое мышление, на котором основана наука, так оно исчерпало свое господство, и потребовалось восстановить традицию, потребовалось восстание против мудрости века сего, ставшим безумием, как об этом писал

в Посланиях Павел. А потом снова потребовался поворот, поворот от внешней дисциплины, от покорности Церкви к внутренней духовной дисциплине. Этот поворот освободил от природных стихий, ... эпидемий, и от стихии религиозного фанатизма. Но религиозный фанатизм уступил место идеологическому фанатизму, а рабство перед стихиями – заброшенности в лабиринте стремительно расширяющейся и усложняющейся цивилизации. В вихрях, в движениях, все время уходящих от целого культуры, от цельности души, от созерцания, от направления в глубину, от духовной свободы. И снова наступило время, требующее мужества поворота, переоценки ценностей. Шизофреническую культуру, рассыпавшуюся на тысячу прутиков, надо вновь связать, как говорил Экзюпери, Божественным узлом. И, может быть, этот узел в религиозной музыкальности.

А сейчас прочитаю эту цитату, очень интересное рассуждение:

«Деятельный дух рождается изнутри глубинного созерцания и только из глубины созерцания может родиться деятельность христианина. Иначе это будет деятельность, основанная на принципах – нравственных, богословских или любых принципах. Но сколько бы ни были они длительны, прекрасны, справедливы они не соответствуют Божественной динамике небывалого, непостижимого. Мы, христиане, призваны жить на большей глубине, жить глубокой внутренней жизнью. Мы призваны уйти глубже и там эта глубина позволит нам взглядеться долго, спокойно, пламенно чисто в правила созерцания, в канву истории, в канву жизни. И благодаря такому глубокому взглядыванию, различить в ней след Божий, золотую нить Ариадны, красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей сложности жизни. И тут громадная разница между Божеской мудростью и человеческой опытностью.

Духовное мужество

Опытность - результат прошлого, накопленный человеческий опыт, она обращена к переживанию более обширному, чем личный опыт и делает выводы интеллектуально основательные, точные, глубокие, а мудрость поступает «безумно». Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь, к поиску того, что я только что назвал следом Божьим, и действует безумно, нелогично, против всякого человеческого разума».

Континент, 1996, № 89.

ДУХОВНОЕ МУЖЕСТВО

(часть 2)

Зинаида Александровна Миркина

Тема духовного мужества, наверное, самая трудная тема, которая только может быть, и подходов к ней может быть много. Но есть пословица «Один в поле не воин». Духовное мужество начинается именно там, где один в поле воин. С кем он воюет? Вовне – не с кем, его война – внутренняя, он уходит извне внутрь, и оказывается, даже первые шаги в этом направлении бесконечно трудны. Здесь не раз рассказывалась сказка Микаэля Энде, ее любит очень Григорий Соломонович, о человечке на диске. Маленький человечек, который стоит на картонном вертящемся диске под нарисованным куполом звездным и постепенно диск вращается, а картон и бумага рвется, и где-то в прорезях он видит фигуру, закутанную во что-то темное, напоминающее Христа, и фигура эта зовет его к себе, но человек боится: «Как это возможно?! Я же упаду!». «Учись падать и держаться ни на чем, как звезды», - отвечает Тот, Кто стоит в бездне.

Что это значит? Внешне это полный абсурд. Вместе с тем, это есть единственная духовная наука – учись отвращаться от всего внешнего внутрь, ищи опору только внутри. Снаружи, на

Духовное мужество

поверхности, все сотворенное, оно перед глазами, оно отделено от тебя, оно может быть могучим, ты хочешь ухватиться за него, на нем удержаться, но оно разруσιμο, всегда разруσιμο, оно имеет очертания, начало и конец. А есть ли что-то, что не имеет ни начала, ни конца? Нерушимое вечно, снаружи такого нет, на поверхности такого нет. Здесь есть только множество таких же, как ты сам, творений. На поверхности ты сам только творение, имеющее начало и конец, ты сам смертен, как и все, что есть на поверхности, но внутри всего смертного, смиренного есть нечто другое. Там нет множеств, там есть одно – Творец всего видимого. Там, внутри, мы причащаемся всему безграничному и бессмертному. Но нам гораздо легче чувствовать себя маленькими, ограниченными, и опираться на кого-то большего, поклоняться ему, чем ощутить свою собственную внутреннюю безграничность. Люди боятся своей безграничности, они не хотят извне вовнутрь. Для того, чтобы найти опору только внутри, нужно огромное мужество.

*Стань в молчаньи и дух собери,
Целый ад загудел над тобой
Кто промолвил: «Господь мой внутри»,
Тот все внешнее вызвал на бой.
Духа с плотью тяжелою спор,
У земного предела стою,
Тяжким шагом идет командор
Обуздать дерзновенность мою.
Этот шаг в мировой тишине
Сквозь молений ночных немоту.
Кто промолвил: «Господь мой во мне»,
Тот себя приготовил к кресту.
Смысл и боль моего бытия,
Огонь, горящий в моей черноте,*

*Дух мой, Мощь моя, Сущность моя,
Не остави меня на кресте.*

Об этом молился самый мужественный Человек на Земле. Он не был стойком, железобетонным героем, Он плакал в Гефсимании и кричал на кресте. Но Он никогда не отступал от того, что велела Ему Его последняя глубина, Его внутреннейший голос, Небесный Отец. Не своеволие, а послушание высшей Воле, которая отнюдь не является чужой, внешней волей. Она гораздо более, чем все своевольное. Увидеть в Себе это Глубинное и служить Ему - наитруднейшая задача. И она решается только самой душой, без всякой подсказки...

Подвижник или духовный путник отправляется на великий поиск, поиск вечного внутри временного, бессмертного внутри смертного. «Царствие Божие не там и не здесь, оно внутри нас». Тот, Кто это говорил, никогда не оглядывался ни на что внешнее, ничего извне, только изнутри. Даром, что потом историческая Церковь сделала из Него же внешний авторитет. Я буду мало говорить об этом, но вот великий мистик, поэт 20 века, ливанский христианин Халил Джебран, сочинил такую притчу.

В горах Ливана раз в сто лет встречаются два человека, Иисус Христос и Иисус Назарянин. Они долго-долго беседуют друг с другом, а потом Назарянин встает и говорит: «Нет, нам никогда не понять друг друга». В этой притче как бы столкнулись Церковь историческая и Церковь незримая, та подлинная Церковь, которая, может быть, и есть цель человечества. Эта соборность, единство, это конец одиночества, но приходят туда только через одиночество, когда каждый спускается один в свою собственную глубину. И эта глубина оказывается единой для всех, чтобы встретиться на этой глубине, надо найти вход в нее внутри себя самого.

*Мы живем в толпе, в потоке,
Нас несет водоворот,
А деревья одиноки,
Также как и небосвод.
И течет, течет в просторе,
Глубока и широка,
Отражающая зори
Одинокая река.
Что в ее притихшем оке?
Кто глядит в речную гладь?
В мире только одинокий
Может Богу предстоять.
Нескончаем этом вечер,
Не погаснет свет в дали,
Сердце Бога – место встречи
Одиночеств всей Земли.*

Да, место встречи одиночеств. Та глубина – всегда своя собственная, которая, однако, является не только твоей. Реки сливаются в море, на поверхности множество, и борьба. В глубине – тишина, мир, единство.

*Иноверцы, единоверцы -
Кто кого в бесконечной борьбе,
Но молчи, одинокое сердце,
Бог откроется только тебе.*

Может быть, первый пример в священной истории, в библейской истории пример метафизического мужества – это рассказ об основателе монотеизма Аврааме. Рассказы эти очень варьируются. В древнееврейской Агаде, сборнике этих рассказов, есть рассказ о мальчике, который прислуживал в лавке своего отца, который продавал и сметану, и глиняных божков. Мальчик думал, мальчик

понимал, что эти божки не могут быть по-настоящему божественны. И как-то раз он обмазал сметаной губы божков и сказал, что сметану съели они, хотя съел ее он сам. Отец выпорол его. Мальчик убежал от отца в пустыню, чтобы искать истину у Бога. И вот в пустыню зашла звезда, прекрасная. Он поклонился и сказал: «Вот мой Бог». Но Луна взошла и затмила звезду. Он поклонился Луне, но взошло Солнце и затмило Луну, и тогда он понял, что ни звезда, ни Луна, ни Солнце, как они не прекрасны, не есть истинный Бог. Истинный Бог – Творец всего этого, и Он невидим. И вот этот первый шаг – не поклониться ничему внешнему, т.е. через все это внешнее можно очень много почувствовать, можно с трепетом к этому относиться. Но не поклоняться ему как Богу, ибо Бог во всем, пронизает все, и нигде снаружи, никогда не отдельный предмет, который может стоять перед глазами.

Гора, которую мы видим, всего лишь груда камня, но можно ощутить священный трепет перед непостижимым Художником, сотворившим эту красоту.

«О, Поэт наивысший!», - обращался Тагор к Богу. И тот, кто может ощутить эту Красоту в себе, причащается этому Художнику. Он и Художника этого чувствует где-то глубоко внутри себя самого. И так Авраам имел мужество не поклониться ничему внешнему, обернуться внутрь, в одинокую пустыню сердца, подобно той пустыне, которая расстилалась перед ним, и над ним. Он открыл новые измерения, измерения глубины. И понял свою задачу - как задачу безоглядного погружения внутрь.

Есть самый тяжкий в мире труд – не оглянуться.

Только внутрь смотреть, где все отдав, что мог,

Живет наш неимуций Бог.

Ну, да. У Бога моего

Во внешнем мире ничего.

*Как мы боимся нищеты,
И как нам хочется, чтоб Ты
Был всемогущ на старый лад,
Победоносен и богат.
Но Ты стенаешь на кресте
И нам твердишь о нищете,
Нам завещая тяжкий труд - спуск вовнутрь.
Во внешнем мире только след
Того, Кто создал этот свет.
Но этот свет есть потому,
Что Он спустился внутрь, во тьму,
В сквозную глубину сердец,
Где нет творений, есть Творец.
В немую глубину глубин,
где нету множеств, есть Один,
нам Завещавший тяжкий труд:
спуск безоглядный только внутрь.*

Христос говорил, что Он пришел не нарушить, а исполнить закон Моисеев, и однако, все время нарушал и звал нарушать. И все-таки не нарушал. Он нарушал внешние правила во имя внутренней правды. Он звал именно к тому самому повороту вовнутрь, к верности тому самому, что открыл Авраам. Звал людей повернуться вовнутрь, от идолопоклонства, страха перед кем-то сильнейшим, внешним, к духовному бесстрашию, освобождению от внешних, рукотворных или мыслетворных богов к Богу несотворенному нами, а творящему нас. Величайшее мужество Иисуса было в том, что Он отверг всякое поклонение внешней силе и остался совершенно беззащитным перед ней, готовым не поражение, на жертву. Он утверждал не внешнее, а внутренне могущество, не могущество плоти, а могущество Духа, творящего плоть. Этого не только

принять, но и понять не могли большинство из Его современников.

В мире царили сила и вражда, закон джунглей. Он утверждал, что люди созданы по другому закону, закону любви, что надо любить даже врагов своих, потому что враги есть во внешнем мире, где все сталкиваются друг с другом, меряются силой, а Он звал людей внутрь, в ту глубину, где все оказываются связанными со всеми. У всех есть общая глубина, утверждал Он, как общее небо над головой. Его проповедь любви к врагам могла показаться защитой врагов, Его проповедь открытости, жертвенности, бедности в глазах властителей мира сего вела к ослаблению их власти, к ослаблению народа, и Человек, воплотивший Себя в высший образ, по которому мы созданы, был распят на позорной виселице между двумя разбойниками.

Евангелие говорит, что Он на третий день воскрес. Апостол Павел утверждает, что если Христос не воскрес, то вера наша мертва, и я присоединяюсь к нему. Но что такое воскресение Христа? Сам Иисус так говорил в Евангелии от Иоанна: «Я есмь воскресение и жизнь вечная. Верующий в Меня, если и умрет – оживет, а живущий и верующий в Меня, не умрет вовек». Можно ли эти слова понять буквально? Есть ли хоть один человек, который не умрет вовек? Наконец, как понять слова апостола Павла? «Я умер, жив во мне Христос». Нет, не о физической победе здесь идет речь, и не о том воскресении, которое можно видеть физическими глазами. Людей тянет к этому беспрерывно, но эта тяга назад, к идолопоклонству. Это происходит в отсутствии духовного мужества. Аврааму, находившемуся в пустыне, было гораздо легче поклониться звезде, луне, солнцу, чем какому-то невидимому и непредставимому Богу, требовавшему от него бесконечного углубления и возвышения собственной души, вплоть до вмещения внутрь всей бесконечности, осознание себя духовно бесконечным существом. Это и есть наша

Духовное мужество

задача, которая пока выполнена только единицами, берущими на себя всю тяжесть этого мира и всю ответственность за него. И расплачивающихся собственной жизнью за тех, кто этой задачи не осознал и, тем более, не выполнил. Побеждать в физическом мире такое существо не может, не имеет как бы права, ибо оно сознает себя единым со всеми, и победа над кем бы то ни было значит, как бы разодрать самого себя.

Как трудно Божественной силе!

О Боже, опять и опять

Мы, люди, Тебя победили,

Тебе ведь нельзя побеждать!

Твоих победителей много,

А Ты – одинокий изгой,

И все победители Бога

Спешат Его сделать слугой.

Но только служить Ты не станешь,

А сбросив Свой зримый покров,

Ответишь великим молчаньем

На наш несмолкающий зов.

В том-то и дело, что на нашей короткой дистанции видна победа творения, плоти, явной силы. Люди, такие как они есть, хотят заставить служить себе ту Силу, Которая их создала, но это никогда не получится. На, невидимой нам, длинной дистанции мы обречены, если не будем сотрудничать с Силой, создающей жизнь, создающей нас самих. Да, творящий Бог не может никого побеждать, ибо все, кого Он побеждает, Он сам, Его неотъемлемая часть. Он терпит поражение в мире сем, в этом видимом явном мире, но Он верен Своему невидимому закону,

И миру неведом итог под итогом,

любая победа – распятие Бога.

Духовное мужество

Мы, люди, распяли Бога не только 2000 лет назад своей враждой, гневом, войнами. Мы расчлняем в самих себе на части образ Божий. А что такое воскресение? Это соби́рание частей воедино, воскресение – это не внешнее явление, а глубочайшее внутреннее делание, духовный труд. Внутри человека должно умереть маленькое, отдельное ото всех «я» и ожить то, которое соединено с каждой душой и с каждой звездой. Тот, для которого каждая боль – своя боль, каждое сердце – свое сердце. Физическое «я» этого человека бесконечно уязвимо и всегда готово на поражение. Его глубинное «я» открыто всем, связано со всеми, и умеет перешагивать через страх физический, ибо нашло свой смысл, который больше смерти, и больше любого страдания. Это и есть духовное мужество. Есть утверждение, духовная истина «Бог всемогущ». Но это противоречит тому, что видят наши глаза, что ощущают все наши пять органов чувств.

*Моя душа слабее листка,
случайно сорванного ветром.
Она как этот лист легка,
Как легкий проблеск, незаметна.
Моя душа тонка как нить,
Нет тоньше и сравниться не с чем.
Она другой не может быть,
В ней Божий нерв сквозь трепещет.
Моя душа обнажена,
Нет ей покрова, нет защиты,
Ведь каждый миг жива она,
И значит, каждый миг открыта.
И значит, нет её бедней,
Она бездомна среди ночи,
И каждый может сделать с ней*

*Без наказания что захочет.
И нет сильнее ничего
Безмолвья твоего, Создатель!
Чтобы только не прервать его,
Ты согласился на распятие.
Чтобы не нарушить Свой закон,
Бог замолчал пред силой вражьей,
Но созидает только Он,
А разрушать способен каждый.*

Духовное мужество – это готовность противостоять разрушительной силе не прямой борьбой с ней – это было бы по ее же законам – а отдачей всего себя служению другой Силе, созидательной. Победа этой Силы всегда глубинная, невидимая, требующая жертв на поверхности в видимом сем мире. Когда Петр советовал Учителю избежать распятия, он услышал в ответ: «Отойди от Меня, Сатана! О земном думаешь, а не о небесном». Духовное мужество требует не оглядываться на земное, духовное мужество – это верность тому, что больше нашего смертного «я» - это служение нашему бессмертному «я».

Мы чаще всего представляем всемогущество Божие, как возможность исполнить все наши желания, чтобы всю жизнь было по щучьему велению, по моему хотению. Поедем на печке верхом или на космической ракете – это все равно - в царство, где молочные реки и кисельные берега.

Так вот, духовное мужество – это ощущение внутреннего духовного могущества, при, может быть, физическом бессилии, полном. Это готовность на распятие, верность любви, которая и есть наша суть. Это безоглядная любовь, при полном неведении того, что будет со мной, с моим малым «я», это верность внутреннему смыслу, вопреки внешней бессмыслице.

Один духовный учитель сказал, что только неправильные вопросы имеют ответы. Правильные вопросы ответов не имеют. Под неправильными вопросами он имел в виду вопросы, направленные вовне и ждущие ответы извне. Эти ответы могут быть полезными или вредными, нужными в быту или ненужными, но они обращены не к душе и душе безразличны. Они, как сказал бы князь Мышкин, «не про то». Но в духовном мире нам важны только те ответы, которые могут прийти из глубины души, которые нужны душе. Вопрос может решить только она сама, без всякой подсказки, только проникнув в свою собственную глубину, и вырастая из нее. Правильные вопросы – это те, которые ведут к росту и углублению души. Когда пастернаковская «Магдалина» кончается словами, если вы помните:

*Но пройдут такие трое суток,
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья дорасту.*

Вот это – то. Вот это – о том. Я не отрицаю и не утверждаю ничего из этих внешних вещей. Я просто говорю, что они «не про то». Душа может сама узнать Бога – вот это я знаю. Душа может сама узнать тот Высший образ, по которому она создана. Как ученики, рыбаки узнали Христа, хотя было сказано, что из Галилеи не придет ничего доброго. Но они узнали, что это Он. Узнали глубиной души. Гораздо проще обернуться и спросить кого-то, но это будет отсутствие метафизического мужества. И, в конце концов, будет множество ответов, которые опять раздробят нашу душу, раздробят мир, как они и дробят сегодня. Наша задача – собирание. И оно может быть осуществлено только поворотом внутрь.

Померанц
Григорий
Соломонович

Миркина
Зинаида
Александровна

Главное в становлении духовности – понимание выхода ее глубинного уровня за все слова, все знаки, понимание всех писаний как перевод с неказанного на высказанный человеческий язык. К этому направлению примыкаем мы с Зинаидой Миркиной.

Глубина любой великой религии, корни которой уходят в осевое время, ближе к глубине другой великой религии, чем к собственной поверхности. Различие языков и образов религиозного опыта не может быть устранено, оно неотделимо от различия культур, от многоцветности мира. Диалог не стирает этого многоцветия. Но он ведет в глубину, где все различия смотрятся как преломления единого луча внутреннего света, озарившего мир в древности и давшего силу становлению культурных миров, тяготеющих к глобальности и оставшихся субглобальными только из-за древней непреодолимости океанов и пустынь.

Сегодня надо продолжить начатое и заново увидеть мир как духовное целое. Увидев, мы его создадим.

Григорий Померанц